

ДООБСУЖДАЛИСЬ...

– У меня вот мужа нет, так его и нет. А этот – ноль! – произнесла Чекушева. И соединила большой и средний пальцы правой руки, что означило ноль, показала его Чепушевой и потрясла им в воздухе. – Ноль! – резко повторила она и произвела такое движение, словно метнула его в лоб Чепушевой. – Такой ноль, что и говорить не о чем. Ноль и нет – не одно и то же. Когда нет мужика, то его нет! А этот – ноль!

Чекушева вся сжалась, напряглась, глаза сузились, лицо заострилось, казалось, сейчас прыгнет схватить этот самый ноль и разорвёт его.

Напротив неё сидела Чепушева, вся во внимании, подавшись вперёд, заинтригованная рассказом Чекушевой, машинально работала ложкой.

– Ага. М-м-м, – мычала она туго набитым ртом, кивая головой, соглашалась с Чекушевой.

Чекушева, хозяйка дома, была маленькая, сухая, юркая, вся живая, подвижная, говорила быстро. Чепушева, напротив, была большая, грузная, малоподвижная, говорила медленно, тяжело. Заинтригованная рассказом Чекушевой, она, казалось, надолго и прочно обосновалась у неё на кухне двухкомнатной квартиры пятиэтажного дома.

Чекушева, не умолкая, крутилась на своём стуле, управляя всеми происходящими процессами на кухне.

Запищала микроволновая печь, Чекушева развернулась, отключила, открыла, достала, поставила.

Чепушева съела то, что ела, Чекушева подхватила, развернулась, открыла, достала, наложив, поставила, подвинула.

– Я никак не могла понять, почему такая умная женщина, как Валентина Сергеевна, так живёт! Ходит придавленная, приплющенная, пришибленная... – при этом Чекушева вся съежилась, скрючилась, наклонила голову до крышки стола, и казалось, произнеси она ещё хоть слово, характеризующее эту самую Валентину Сергеевну, – голова пробьёт крышку стола. Чепушева в ожидании этого самого удара даже приподнялась с разинутым ртом.

Но Чекушева вдруг выпрямилась и, глядя Чепушевой прямо в глаза, решительно произнесла:

– Побывала у неё в гостях и всё поняла! В её доме – всё на ней! Муж – на ней! Скотина – на ней! Живут в частном. Помощи ждать неоткуда. Посоветоваться – не с кем. Поговорить – тоже! Ничего не делает. Жрёт, пьёт, рыгает – всё, что производит! Всё, на что способен! Негодный, неспособный, никчёмный, пустой...

– Ага, м-м-м, – мычала Чепушева.

– Таня, – трагическим голосом произнесла Чекушева, при этом закатила глаза и сложила руки на груди. – Я как его увидела, так всё сразу поняла... – лицо Чекушевой стало невыносимо страдальческим. – ...Ты бы видела его!

Чепушева, глядя на неё, замерла.

– Я видела человека, который гнался за жизнью, но не догнал, – произнесла Чекушева. – Где проморгал, где проспал, где пропил. Сама знаешь, всякое бывает. Словом, отстал, устал, потерялся, заблудился. Несчастный. Безработный. Но он хоть гнался! Бился! Цеплялся! Боролся! А этот?! Этого сама жизнь гнала, тащила, волокла, била, мочила, стирала, сушила, трепала, поила, кормила. Потом устала, бросила. Сидит. Смотрит. Слушает... Слов моих нет. Ничего не видит, ничего не слышит, ничего не говорит. Сидел – молчал, молчал, молчал, молчал, встал – заворчал.

– Заворчал? – удивилась Чепушева. – Он ворчит?!

Чекушева удивлённо взглянула на Чепушеву.

– Ну да. Издал какой-то звук. Заворчал, как замычал. Точно не помню. А встал, Таня! – Чекушева опять закатила глаза, сложила руки на груди. – Пошёл! Смотрю, сама никчёмность мимо меня идёт. Господи, если бы мне не в юбке, а в трусах родиться, я б в нём интерес к жизни зажгла. Ох зажгла! Он бы у меня обжёгся этой жизнью. Дотла бы выгорел весь. Вечно опалённый, с горящими глазами метался и не просто с огоньком, а с жаром к любому делу подходил. Жил бы у меня как на вулкане, вечно земля под ногами тряслась. Тряпка никчёмная. Мочила бы его и пол им вытирала! – заключила Чекушева и стукнула кулачком по столу. – Четыре часа промолчал, хоть бы звук издал. Безработный! Ничего делать не хочет! И не просто не хочет, не способен! Не-е спосо-обен! Видит только стул, стол, водку. Водку и то, что она ему приготовит. И всё! И это всё, на что он способен. Как можно было не интересоваться жизнью?! Чем он жил? Как она всё это время жила рядом с ним?! И продолжает жить?

Чекушева вдруг замерла, и наступила полная тишина.

– Нет. У меня нет таких слов, чтобы передать мои чувства. Я хочу, чтобы ты сама увидела его. Я как раз еду к Валентине Сергеевне. Едем со мной. И ты всё увидишь своими глазами.

– М-м, – промычала Чепушева.

В автобусе заново слово в слово перебрали,

что говорилось на кухне, только с ещё более горящими глазами и жаром.

Вскоре Чекушева и Чепушева сошли на остановке.

– А в этой стороне, вон там, – проговорила Чепушева, – живёт мой брат со своей женой.

– И нам в ту сторону, – произнесла Чекушева. – Сейчас, Таня, ты своими собственными глазами увидишь его. Это что-то!!!

Чекушева решительно двинулась, Чепушева последовала за ней.

– Как я не люблю сюда ходить, – тяжело дыша, произнесла Чепушева.

– Сейчас!

– Я когда сюда иду, – произнесла Чепушева, – у меня внутри появляется страх. Вот и сейчас появился, хотя мы идём не туда.

– Немного осталось!

– Может, нам пройти другой дорогой, чтобы меня не видели тут, – с опаской произнесла Чепушева. А затем полушёпотом добавила: – Я так боюсь жены моего брата. Ты бы видела её.

– Вон тот покосившийся домик видишь, – не слушая Чепушеву, произнесла Чекушева. – Только не пугайся, вот в этом доме и живёт Валентина Сергеевна. Представляешь? И туда мы идём!

78

Чепушева вдруг окаменела.

– В-в, – затряслась у неё губа. – Валентина Сергеевна – так это Валька, что ли?!

Чекушева с недоумением взглянула на неё.

– Это Валька-то – Валентина Сергеевна? – вдруг возмутилась Чепушева.

Чекушева вдруг всё поняла, растерялась, остолбенела.

– Это Валька, душегубка, – умная женщина?! Это надо же, а?!

Чепушева с Чекушевой недоумённо, растерянно смотрели друг на друга.

– Да эта кровососка, каких свет не видывал! Вечно ей больше всех надо! Вечно бежит впереди жизни! Вечно куда-то торопится! Вечно не сидится ей на месте. Брата моего загнала, замучила. Устал он за ней гнаться. Устал с ней тягаться. Не жизнь, а сплошное выживание, гонки наперегонки. Это она-то замученная и придавленная?! Возьмётся брат гвоздь забить, а она уже колотит его. Из рук топор вырывала. Вечно срамила и унижала. И сдался он, устал, упал, опустился.

Лицо Чекушевой стало непроницаемо, и она медленно попятилась от Чепушевой, кричащей на всю улицу:

– Коза кривляя! Что с моим братом сделала? Предупреждала мать: «Смотри, кого берёшь». Не послушал...

Чекушева развернулась и пустилась наутёк от не на шутку разбушевавшейся Чепушевой. А Чепушева, размахивая руками, ещё долго кричала на всю улицу вслед исчезнувшей Чекушевой, потом повернулась в противоположную сторону и, тяжело дыша, пошла размашистыми тяжёлыми шагами.

НА НОГИ БЫ ТОЛЬКО ВСТАТЬ

Ты помнишь, я тебе сотню должен был? Я отдам, ты не сомневайся, не переживай. Я отдам. Я вот сейчас на ноги встану, начну работать и отдам. Я в работе – зверь! Я в работе всех задавлю, никто со мной не сможет тягаться. Я всё умею, всё могу... Я такое могу, я могу такую вещь сделать!.. Это будет просто конфетка, просто конфетка... Дай мне сто рублей! Ты мне сто уже давал, я тебе потом отдам. Вот только на ноги встану. Отделаюсь от этой пьянки, и всё – сразу начну работать! Ты не сомневайся – сразу всё отдам. Это сейчас такая тёмная полоса пошла. Ну ты же сам всё понимаешь. С кем не бывает. Ну дай ещё сто рублей на бутылку! Потом двести отдам. Как заработаю, так первым делом сразу к тебе приду и отдам. Пока вот не получается. Дай сто рублей! Хочешь, покажу, что я умею?.. Я тебя всему научу. Вот увидишь – всему научу. Всё покажу. Я многое что умею. Ты не думай, что я вот такой, пьяница там, алкаш или ещё что. Нет. Я не такой. Я вот сейчас только опохмелюсь немножко и сразу пойду на работу. Сразу многое что сделаю. Ну дай сто рублей! Мне опохмелиться надо, обязательно надо.

Ну так у меня получилось. Ну такой я. А ты вон какой, а я, знаешь, так... У тебя здорово всё получается. Я за тобой наблюдаю, когда ты работаешь. Нормально у тебя всё получается. Молодец. Можешь ты работать. Я к тебе давно присматриваюсь. Обязательно возьму тебя в дело. Мы с тобой такое сможем делать! Все деньги наши будут, все деньги заработаем. Вот увидишь. Так оно и будет. Я в работе зверь, зверь. Всех задавлю.

Ну дай сто рублей! Потом сразу принесу и отдам. Сейчас как раз весна. Сейчас как раз скоро можно будет прутья резать. Вот увидишь, какие умею я вещи делать из прутьев. Я корзинки всякие могу плести, и кресла могу плести, и стулья плетёные умею делать. И всё из прутьев. А если хочешь, то и кухонный шкаф смогу, и какой угод-

но шкаф смогу. И тебя научу. И ты всё будешь уметь делать. Такие красивые вещи будешь делать, что либо дорого будет смотреть. Все завидовать тебе будут. Научишься руками такие вещи делать – всегда при деньгах будешь. Всегда с деньгами в кармане будешь ходить. Никогда голодным не будешь. Ну дай мне сто рублей! Вот увидишь, я как только, так сразу тебе всё отдам. Сразу отдам. Ты не сомневайся. Я тебе и так уже сто рублей должен был. И эти сто. Итого двести. Ты не сомневайся, я отдам. Я всё отдам.

А потом береста пойдёт. Мы такие с тобой кружки из бересты делать будем, вот увидишь, и туесочки будем делать. Все просто обзавидуются. Вот увидишь. Я всё умею делать. И тебя обязательно научу... Обязательно научу. Ты не думай, так оно и будет. Ты не думай. Ну дай ещё сто рублей! Я тебе уже сто рублей должен был, потом двести отдам. Обязательно двести принесу и отдам. Ну дай мне сто рублей! Опохмелиться надо. Дай, пожалуйста. Ну дай... Дай мне сто рублей. Опохмелиться надо. Дай! Дай сто рублей...

Вот спасибо! Ну что тебе стоит. Я знаю, что у тебя деньги всегда есть. Ты же не пьёшь. А у непьющего всегда деньги есть. А у пьющего откуда они возьмутся? Он же всё пропивает. Ему выпить надо. Если у него деньга какая завелась – ему обязательно её пропить надо. Иначе он не может успокоиться, а как пропьёт, так спокоен становится. Когда уже пить просто нечего.

Вот спасибо! И больше я к тебе не приду. И завтра не приду. Ты меня сейчас долго не увидишь. Надоедать не буду. Нет, не буду. Вот спасибо. Вот спасибо. Ну, до свиданья. Я как сказал, так оно и будет. Вот увидишь...

Ну здравствуй! Здравствуй. Опять, понимаешь? Опять. Сил нету. Думаю, дай схожу. Сначала никак не хотел. Не хотел. Потом пошёл. Опять, понимаешь? Такое дело... Опять. Я у тебя, помнишь, брал сто рублей? Ты забыл, а я помню! Я всё помню, я у тебя брал сто рублей. Как ты мог забыть? У меня память хорошая. Я, когда у кого что беру, всегда помню. Всегда отдаю. Иначе потом людям в глаза стыдно смотреть. Иначе потом не дадут. Да и не в этом дело, что не дадут, просто человеком нужно быть – возвращать долги надо. Я не могу, если кому что должен. Места себе не нахожу. Успокоиться не могу. Я тебе отдам. Обязательно отдам... Дай мне сто рублей! Я тебе сто рублей должен, потом двести принесу. Обязательно принесу. Я та-

кой человек – долги всегда отдаю. Иначе нельзя. Иначе никак нельзя. Дай сто рублей. А я скоро работать начну. Сейчас вот лето. Весной надо было... Но опоздал. Вот опоздал.

И завтра я к тебе не приду. Ты не думай, я тебе больше надоедать не буду. Нисколько не буду. Вот увидишь, не буду. Я такие вещи умею делать! А ты видел, как я вырезаю? Не видел? Я тебе потом покажу. А как я умею рубить! Сруба рубить. Просто конфетки. Когда видят, так просто с ума сходят. Все сразу так и просят. У нас столько заказов будет! Вот увидишь, столько заказов будет. В работе я зверь. Ну дай мне сто рублей, дай!

Тут покос. На покос надо идти, а я – сам видишь. Я такие стога мечу, их никогда дождь не мочит. Они всегда всем нравятся. Я такие стога мечу! Меня всегда все приглашают. Я иду. Я такой! Я не могу людям отказать. Я никогда не отказываю. Зовут – иду. Иду и работаю и за свою работу никогда денег не беру. Так только, чисто символически... Могу взять. Иногда сами в карман кладут. Иногда уж просят взять, я и беру. Иногда не беру, говорят: «Ты нас в долг загоняешь». А я смеюсь. И беру. Не хотят люди в долгу ходить, тяжело это. И я не люблю в долгу ходить. Если у меня какой долг есть, всегда возвращаю. Всегда возвращаю. Вот и сейчас, только слегка опохмелюсь и сразу на покос пойду. Работать буду, и мне сразу денег дадут, я приду и тебе отдам. Я такой! У меня если какая денюга заведётся, я всегда в первую очередь иду и с долгами рассчитываюсь, чтобы их не было. Так положено. Так честно, а уж потом, что останется, на себя трачу. Да мне много и не надо. Что мне надо? Ничего. Так, чтоб только кусочек хлеба был – и ладно. Я такой человек. Я честный, я всегда долги возвращаю. У меня на это память хорошая. Вот ты же знаешь, что я тебе сто рублей должен был? А-а, ты забыл, а я знаю! Я помню... Ну дай мне сто рублей! Дай!! Дай сто рублей!!! Ну дай... Дай, пожалуйста, сто рублей... Дай. Опохмелиться очень надо. Ну дай сто рублей, дай! А на следующий день я на покос пойду, помогать людям буду. Одному, другому, третьему. Как дадут мне денег, я приду и сразу тебе отдам, двести рублей, отдам. Вот увидишь, отдам. Сразу отдам. Ну дай мне сто рублей... Дай... Очень прошу, дай, выручи меня, пожалуйста, дай сто рублей! Ну дай, дай сто рублей, дай...

Вот спасибо, спасибо! Я знал! Знал, что дашь. Ты молодец! Ты хороший. Ты всегда денег даёшь. Ты всегда такой добрый. Ты такой... Ты такой... высокий светлый и красивый, а я никчёмный, тём-

ный, спасибо и алкаш. Алкаш, он и есть алкаш. Вот спасибо! Спасибо тебе. Ты такой... Такой хороший. Ты молодец. Ты добрый. Вот таким нужно быть. Всегда таким нужно быть. Вот молодец! Молодец. Вот спасибо тебе. Спасибо. Давай тебе низко-низко поклонюсь... Нет, не останавливай меня! Не надо. Не останавливай. Я поклонюсь тебе сейчас. Поклонюсь... До самой земли поклонюсь. Вот спасибо! Ну пойду, опохмелюсь.

Опять к тебе иду, выручай. Люди жадные. Все жадные. На покосе столько работал, так всем помог! А никто мне не заплатил. Как собаку кормили. За похлёбку все лето работал. Как с собакой обращались. Собаки и то добрее, чем люди. Обидно, знаешь, так обидно. Я ведь честно, чтобы людям помочь. Чтобы всем им хорошо было. Я ведь от всего сердца старался. Работал. А они мне никто ничего не заплатили. Копейку даже не дали. Обидно. Злые люди стали. Недобрые. Помочь ближнему не хотят. Скорее удавятся, чем помогут. Но ничего. Сейчас орех начнётся. Думают, что у меня никогда денег не будет. А нет, будут у меня деньги! Всегда будут. Не было такого, чтобы у меня денег не было. Всегда они у меня будут. Это только сейчас. Только вот сейчас так получилось. Что у меня денег нет. А все тут же и рады надо мной смеяться, меня унижать и обижать. Но ничего, сейчас орех начнётся. Я им всем покажу. Все увидят, что у меня деньги есть, что у меня деньги имеются. Будет и на нашей улице праздник. Обязательно будет. Но вот сейчас нет денег. Только сейчас... Одолжи мне сто рублей! Ну хоть сколько дай. Я потом тебе отдам. У кого ещё просить, как не у тебя. Все кругом жадные, заевшиеся негодяи, а ты добрый, хороший. Ты один, один на всём этом белом свете, один такой. Я тебе и так сто рублей, кажется, должен. Помнишь? Забыл? Ты записывай. А то, поди, тебе все тут должны, а ты забыл. А люди, знаешь, когда берут, уж так просят, так просят! А как отдавать, так нету их. А я не такой. Я не такой! Я всё помню. Я всегда всё возвращаю. Когда у меня деньги есть, я всем всё раздаю. У меня попросят, так я сразу, не считая, даю. Не считая. Никогда не смотрю, сколько дал. Зачем считать, когда в долг даёшь? Раз ему деньги нужны, раз он в них нуждается, пусть берёт сколько ему надо. Сколько денег в кармане есть, все сразу загребаю в кулак, достаю и отдаю ему. Пусть берёт, пусть, сколько ему надо сам отсчитает, а остальное вернёт. А если не вернёт,

я ему ничего не говорю. Когда надо будет, отдаст. Я сам такой, как ты. Когда кому в долг даю, то тут же забываю. Иногда встретится совсем не знакомый человек. Так радостно прямо на шею кидается, здороваются, обнимаются с тобой. А я его совсем не знаю. Первый раз его вижу. Он смотрит, что я на него смотрю и не узнаю, так сразу и говорит: «Вот хороший человек, в долг дал мне, выручил. А сам даже меня и не помнит». А я его, и правда, не помню. Смотрю на него, а сам его первый раз вижу. Вот такой я! У меня, знаешь, столько друзей, столько друзей! Я нигде не пропаду. Везде меня выручат. Везде мне на помощь придут. Смотрю на тебя, а ты такой же. Молодец! Хороший человек. Таких я уважаю. Таким легче живётся. Такой же, как я. А люди, знаешь, разные бывают, возьмут в долг и не отдают потом. А самому потом совестно свои деньги просить. Я вот такой: дашь в долг, а потом сам свой долг с человека спросить не можешь. Стыдно даже просить. Думаешь, взрослый же человек, как не понимает, что долги возвращать надо? Как человек без совести жить может? Я совсем не понимаю. Я не такой! Я совсем не такой. Я всё помню. Вот ты забыл, что мне сто рублей должен, а я помню. Я тебе обязательно потом отдам. А сейчас на ноги встать надо. Силы набраться надо, чтобы работать... Дай мне сто рублей! Не откажи, помоги, пожалуйста, дай сто рублей. Я тебе уже сто рублей должен, потом двести отдам. Ты не думай, я отдам. Двести и отдам. Я не такой, как другие. Возьмут в долг, а потом ходят и даже не здороваются. Даже не смотрят на тебя. Не замечают, как будто тебя и вовсе нет. Дай мне сто рублей, а?

В этом году орех хороший будет. Очень хороший. Мы с тобой миллионы заработаем. Я такие места знаю, туда никто не ходит. Туда на коне только можно добраться. Коня, конечно, нет, но я, когда не пью, сам, как конь, здоров. Кулями орех таскать могу. Тебе даже ничего поднимать не придётся. Дай мне сто рублей, а? Ну дай мне сто рублей. Помру сейчас иначе. Дай сто рублей...

Вот спасибо! Вот спасибо. Побегу, пока магазин не закрылся. А то времени уже много. Ты не думай, я тебя обязательно с собой возьму, вот увидишь, вместе пойдём. Все деньги наши будут!..

Как хорошо, что ты дома, думал в город уехал. А ты дома. Повезло мне. Целых три месяца тебя не видел. Даже рад. Где ты пропадал? Это я пропадал? Да... Да, точно, это я пропадал.

А где мне пропадать? Только в тайге. В этом году такой орех был, такой орех был! Шишки такие огромные были, такие огромные. Я никогда раньше такие не видел. А ореха сколько было! В тайге столько народу было, и всё городские. Люди не один миллион нынче на орехе сделали. Многие все свои кредиты позакрывали. Вот такой нынче год урожайный был. Куда ни глянь – все с орехами ходят. Орех полезный очень. Вот людям, как и бурундукам, нужен орех. А бурундука сколько в тайге было! Еды ему много. А когда есть нечего, бурундук вешается. Заберётся на куст, сунет голову между двух веток и вешается. Как на рогатине. И всё, и хана ему. А нынче ему еды много. Я в этом году столько кулей ореха перетаскал. Днём и ночью таскал. Даже всё не перетаскал и не продал. Так в тайге снегом и засыпало. Теперь мыши там хозяйничают. Ох, наверно, мышей там сейчас! Хвалят меня, наверно, какой молодец, что шишек им целую гору в одно место натаскал. Скупщики прямо в тайгу за орехом приезжали. Чуть с руками орех не отрывали. Я не жадный. Я цену не заламывал, сколько давали, столько и брал. Что жадничать, я его не выращивал. Тайга всё дала. Сколько давали, столько и брал. И то все карманы деньгами были забиты. Как из тайги пришёл, так ничего и не помню. А сегодня глаза открываю, а карманы пустые. Смотрю в окно, а снег уже вон какой лежит. А хотел в тайгу идти остатки ореха вывезти. А сам, как забухал, так сегодня только и проснулся. Даже на охоту не собрался. Как соболик там без меня? Мне бы только опохмелиться. Только бы опохмелиться... Я в работе зверь. Я умею работать, всё умею делать. Выручи только меня, а? Дай сто рублей. Я тебе уже сто рублей должен, потом двести отдам. Вот только сейчас мне на ноги встать надо. Потом отдам. Выручи меня. Ты не думай, что я там алкаш, что у меня совести нет. Я тебе так скажу: только у пьющих она, совесть, ещё и сохраняется. Только алкаш ещё и может быть честным. Все его обмануть да оскорбить норовят. А он всё терпит. Дай сто рублей, а. Помоги. Я тебе уже сто рублей должен. Я не забыл. Я отдам. Потом двести рублей и отдам. Ты соболика живого видел? Нет. Я тебе его покажу. Я тебя с собой возьму. Я тебя всему научу. Ты их кучами ловить будешь. Кучами. У тебя столько денег будет. Столько денег будет... Дай сто рублей, а. Ну дай. Я тебя научу его ловить. Со мной ты никогда без денег не будешь. Вот увидишь. Дай сто рублей, а. Ну дай...